

Ирка не повезло с самого рождения. Появиться на свет второй по старшинству в многодетной семье (семь детей) с то сидящим, то пьющим отцом – не подарок судьбы. Мать рвала жилы: мыла полы, где подвернется, мела улицу – но жили все равно так, что дети стыдились пригласить к себе в гости ровесников. Младшие бегали по дому полуголые и не всегда могли выйти из дому. Сама Ирка донашивала одежду и обувь после старшей сестры или кого-то из родственников сердобольных соседей, помогавших по мере сил, а силы были невелики.

Наверняка потому Ирка и бросилась с разбегу в активную взрослую жизнь, что с отчаяния, как утопленница в омут: раз – и на дно. Это в книжках бывают алые паруса, Ассолы и Грэй. В свои пятнадцать лет Ирка от жизни ничего уже не ждала. Училась так себе; с какого боку ни взгляни, техникум – предел возможностей, да и то на грани. Многие мотались в областной центр на заработки, а если везло, переселялись туда навсегда, но у Ирки даже для того, чтобы зацепиться на новом месте на первое время, не было ни денег, ни родственных связей; да и кто возьмет на работу пятнадцатилетнюю малолетку. А Ирка превращалась в симпатичную девушку и хотела жить и наслаждаться отпущенными природой радостями. Гормоны стремительно повзрослевшего организма давили так, что она уже не думала ни о морали, ни о молве и всецело отдалась всепоглощающему зову плоти.

В маленьком поселке это приговор. По всем законам небольших населенных пунктов, на малой родине будущее ей теперь ничего хорошего не сулило. Однако в шестнадцать лет жизнь все-таки подарила ей шанс: она встретилась с Егором, служившим по контракту в расположенной побли-

зости части. Был он из такого же захудалого поселка соседней области, шел ему двадцать второй год, но выглядел Егор куда старше: невысокий, плотно сбитый, не по годам уравновешенный и сдержанный. За таким, как говорится, как за каменной стеной. Про Ирку он толком ничего не знал, а если и догадывался по многозначительным ухмылкам встречных парней, то закрывал на это глаза: терпение у него было просто бычье и жену свою любил (они уже жили вместе как муж и жена и ожидали первенца).

Ирка же, напротив, мужа не любила, хотя и испытывала к нему благодарность. Жили они, по поселковым меркам, неплохо. Снимали комнату у одинокой приветливой пенсионерки. Зарплату Егор получал исправно, жить на нее было можно. Но не зря среди ровесников Ирку звали Дыркойной и считали дурой.

Вскоре после родов она разважалась. Егор делал вид, что не замечает ее поздних задержек у «мамы» или «подруг», терпел отсутствие должной заботы, прощал не всегда сготовленный ужин, дырявые носки. Он мирился со многим, надеясь, что жена образумится, хотя однажды все-таки сорвался и дал ей пощечину, но и это не побудило ее задуматься. Ирка попросту вернулась домой и скинула маленького Сашу на свою мать. Тогда Егор забрал сынишку и окончательно расстался с теперь уже бывшей женой.

Ирка горю не предавалась. Она просто жила подобно евангельской птичке, не заботясь о завтрашнем дне.

В восемнадцать лет она снова чуть не вышла удачно замуж. Андрей, приехавший в гости к тетке из областного центра, был приятным серьезным парнем. Он только-только окончил институт, дядя его работал директором какого-то завода и обещал пристроить к себе.

К тому времени Ирка расцвела окончательно. Андрей же, как-то так получилось, учась в институте, даже не задумывался о женитьбе, а после, когда все вдруг разъехались по своим далям-весям, понял, что теперь каждый будет жить сам по себе. Внезапное одиночество тяготило, и Андрей впервые задумался о невесте. Ирка же сразу легла на сердце. Они уже договорились, что через неделю он заберет ее к себе (а Андрей производил впечатление очень серьезного, обязательного человека), и как резануло его, когда, провожая Ирку на третий день после их первой встречи домой, он заметил ее вульгарное, в подражание походке манекенщиц, вихляние бедрами. Может быть, влюбленный молодой человек заметил бы эту пошлую походку несоро, когда стало бы уже окончательно поздно, но Андрей был умен и воспитан в нормальной семье, и проскакивавшие к тому же иногда с Иркиных уст матерки преждевременно сняли с его глаз пелену шальной влюбленности. Утром он уехал домой.

А через два года сарафанное радио поселка взорвала сенсация: Ирка вышла замуж за иностранца. Пусть он был и не американцем, всего лишь арабом, но все равно полноценным гражданином дальнего зарубежья. И поселок с завистью судачил об Ирке Дыркиной, незаконно утянувшей чужой счастливый билет.

Находились, правда, и те, кто не понимал чужого везения.

– Ира, но ведь это же арабы, – говорили ей пожилые соседки и со значением восклицали: – мусульмане! Это же надо веру менять будет! Мы же русские! Разве можно веру предков предать?!

– Подумаешь... – урезонивала их счастливая Ирка, – какая разница, как верить? Бог для всех один. Это всё сами люди напридумывали.

– Так-то оно так, да все же не совсем так. Мусульманство – мусульманством, а Русь есть Русь. Бог нас любит, такую страну построить помог... нельзя так.

Ирка стояла на своем.

– Главное – в душе верить, остальное неважно.

– Ну, смотри сама, девахы... Дай-то Бог, дай-то Бог, – сочувственно кивали на прощание головами знакомые.

Ирка исчезла в загадочных восточных далях с новой жизнью и труднопроизносимой фамилией, но не исчезла из Интернет-пространства, благодаря которому посело разглядывал некоторое время спустя фотографии бывшей землячки на экранах мониторов. Она теперь носила хиджаб, имела вид целомудренной мусульманки с голубыми глазами и не по-восточному тонким лицом.

Вскоре рядом с ней появился кареглазый мальчик, затем такая же девочка. По прошествии десяти лет Ирку-Фаризу любовно облепляли уже четверо жизнерадостно скалящих зубки деток – два мальчугана и две девочки. Типичные арабчата, только с более светлой кожей.

От ее матери соседки знали, что живут они там как в сказке, в которой все то ли задарма, то ли валится в руки с неба и работать почти совсем не надо. «Живут же люди!» – вздыхали поселковые женщины, а у нас тут пахать не будешь – ноги протянешь.

Фарица-Ирка появилась в поселке внезапно, аккуратно на первое мая, после проморосившего в полночь первого весеннего дождика. Никакого хиджаба – такая же, как все поселковые молодухи: в туго обхватывающих спелые прелести джинсах и маечке. И хотя тело было уже не девичьим, но по-прежнему завлекательным – уже по-женски. И встречая ее на улицах родного поселка, мужики нагло задерживали на ее округлостях откровенные взгляды, не замечая ревнивого внимания собственных жен.

Ирка, тем не менее, старательно обходила всех стороной. Если с ней заговаривали, останавливалась, отвечала на вопросы, а так ограничивалась обычным «привет-здравств».

На улице раздавался смех, светило солнышко, все цвело и пело, а Ирка смотрела под ноги, как преждевременно распустившийся и поникший после внезапного снегопада ландыш.

Странное поведение Фаризы-Ирки вскорее разъяснилось: муж дал ей развод и взял в дом молоденькую молдаванку. И по своим арабским законам детей оставил себе, никакой возможности вернуть их не существовало. Видимо, прошедшие годы пробудили в повзрослевшей Ирке материнство, потому что было очевидно, что она очень страдает.

Ирка вела себя благопристойно и даже пришла однажды в храм. К ней тут же подбежала постоянная прихожанка баба Тася, ревностно приглядывавшая за порядком.

– Это православный храм. Нечего тут всяким ходить, – зашипела старушка и стала подталкивать Ирку к выходу.

– Да я... – попыталась объяснить Ирка.

– Знаем мы вас: то вашим, то нашим. Иди... иди пообдурь-поздорову, откуда пришла.

И всю обратную дорогу слышало глотавшей слезы Ирке брошенное вслед ей бабушкой: «Коранистка!»

На следующий день Ирка отправилась к первому мужу, к тому времени перебравшемуся в соседний областной центр.

Приехала она поздним утром субботы, рассчитывая застать Егора дома. Нажимая кнопку звонка, сильно волновалась и боялась: а вдруг здесь уже живут другие люди. Дверь открылась, и Ирка впала в ступор, не в силах отвести взгляда от стоявшего перед ней мальчика – ее глаза, ее нос, овал лица и цвет волос. Она словно смотрела на саму себя в детстве. Это был Саша. Ирка почувствовала гордость: ее сын рос красивым и крепким мальчиком.

– Здравствуйте! Вам кого? – вывел ее из забытия звонкий голос Саши. И, не дожидаясь ответа, он крикнул кому-то в квартиру: – Мама! Тут какая-то тетя!

Ирка разом осунулась и поспешно встала:

– А папа дома?

– Он в футбол пошел играть.

Появившаяся в дверях приятная женщина, примерно ее же лет, отпрянула при виде Ирки, но тут же поспешила на лестничную площадку.

– Сынок, иди, иди. У меня с тетей важный разговор, – поспешно оттеснила она Сашу в дом, закрывая за собой дверь.

– Вы... Сашина... – голос ее дрогнул, – вы его... родили?

Ирка, проглатывая комок в горле, молча кивнула.

Женщина не отрывала глаз от Ирки.

– Вы очень похожи с Сашей. Я сразу догадалась.

Она облизала сухие губы и под влиянием какой-то внезапной мысли вздрогнула, выпрямилась, взглянула с вызовом.

– Зачем вы пришли?! Вы лишены родительских прав!

Ирка боялась разрыдаться и все так же безучастно кивнула с почти беззвучным шепотом:

– Я все понимаю. Мне бы только...

Женщина, поняв, что хотела сказать Ирка, немного остыла.

– Уходите, пожалуйста. Я вас очень прошу: уходите. Уже ничего не поправить, будет всем только хуже... и Саше особенно. Не делайте ему больно. Он мне... – женщина запнулась и твердо взглянула в глаза Ирке, – родной.

– Да, да, я уйду, я обязательно уйду. Мне бы только одним глазком еще раз глянуть на сы... на Сашу. Пожалуйста. Он ничего не узнает, я вам обещаю. Одним глазком, и все.

Так, украдкой, из коридора, как совершенно чужой человек, полюбовалась она на прощанье подошедшей на зов новой матери собственной кровинушкой, которую не имела теперь права окликнуть разрывавшим душу «сынок!»

– Простите меня, – не смогла сдержать слез Ирка, уже спускаясь по лестнице, – я сама ви... – и разрыдалась наконец.

Женщина догнала ее.

– Живите дальше, жизнь не заканчивается. А у Саши все будет хорошо, я вам обещаю. У вас есть еще дети?

– Четверо, – Ирка разрыдалась еще сильнее.

Новая мама Саши замерла.

– У вас что-то не так?

– Они... они... они у отца... за границей. Мне их не... не отдадут. У них такие за...

Женщина на мгновение приобняла Ирку.

– Подождите минуточку, я сейчас, – и убежала в квартиру.

Всю дорогу домой Ирка вынимала подаренную на прощание фотографию и сквозь подступавшие слезы любовалась мягко улыбавшимся ей родным сыном.

Ирка пыталась вернуть своих родных арабчат, писала в Москву, в Страсбург. А в ответ: «Вы находитесь под юрисдикцией другого государства... Обращайтесь в судебные органы своей страны...» – и все в том же

духе. Ехать же и судиться с мужем не было ни денег, ни смысла. Потеряв всякую надежду, Ирка впала в жесточайшую депрессию и – пошла гулять губерния. Через четыре года на Ирку особо уже не зарились. Она поседела, опустилась, трезвой ее не видели, а потом, позабытая всеми, умерла от рака то ли желудка, то ли кишечника.

Видимо, она отошла все же спокойно и внезапно. Нашли ее в одном из заброшенных мичуринских домиков на окраине поселка. Ирка будто спала, сидя за столом с протянутой к полупустой бутылке водки рукой.